

В. П. Мещеряков, проф.,
Симферопольский университет

Был ли А. С. Грибоедов членом Северного общества декабристов?

Показания декабристов о причастности Грибоедова к тайному Обществу разноречивы. Шестеро из них высказались положительно, столько же отрицали участие драматурга в заговоре, четверо «воздержались от положительного или отрицательного суждения, отозвались незнанием» [11, с. 464]. Однако в мемуарной литературе существуют два свидетельства современников, хорошо знавших Грибоедова, один из которых без колебаний заявил, что степень участия Грибоедова в заговоре была «полной» (А. А. Жандр), а другой (Д. И. Завалишин) употребил не совсем четкую формулировку: «Спасены были и многие другие члены, даже такие, которые были замешаны посильнее, чем Грибоедов». М. В. Нечкина комментирует эту фразу следующим образом: «Вероятно, у Завалишина были какие-то сведения об этом вопросе, которые он полностью не раскрыл в своих воспоминаниях, но свидетельство его должно быть принято во внимание, поскольку он лично знал Грибоедова еще до восстания» [11, с. 465—466, 692], то есть предполагает, что слова Д. И. Завалишина указывают на принадлежность Грибоедова к тайному Обществу.

Но вначале несколько слов об истории мемуаров Д. И. Завалишина. Впервые под названием «Воспоминание о Грибоедове» они были напечатаны в журнале «Древняя и новая Россия» (1879, № 4). В «Записки декабриста Д. И. Завалишина» этот эпизод включен не был. С тех пор «Воспоминание...» многократно воспроизводилось как полностью, так и частично; последний раз в книге «А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников» [7], где оно дано с некоторыми купюрами и небольшими отступлениями от текста первоначальной публикации (отсутствие авторских примечаний в подстрочнике).

В рукописном отделе государственной библиотеки им. В. И. Ленина в фонде М. К. Азадовского хранятся бумаги Д. И. Завалишина, в том числе посвященные Грибоедову. (Пользуюсь случаем выразить благодарность Г. А. Невелеву, обратившему мое внимание на эти материалы): рукопись «Воспоминания о Грибоедове», сначала озаглавленная «По поводу

юбилея Грибоедова» и отличающаяся в ряде эпизодов от печатного текста «Воспоминания...»; начало статьи «Воспоминания о Грибоедове и Пушкине» и статья «Грибоедов и его «Горе от ума»». Рукописи не датированы, но, судя по почерку, как и «Воспоминание о Грибоедове», относятся к концу 1870-х гг.

Обратимся к статье «Грибоедов и его «Горе от ума»». Вот та часть текста, которая касается интересующего нас вопроса: Безнравственное в одной сфере не становится извинительным оттого, что совершается в другой. Человек, допускающий себе безнравственное действие в одной сфере, не может уже иметь ни малейшей нравственной силы, никакого авторитета ни в какой уже другой сфере, хотя бы по темпераменту, по привычкам, по положению, по расчету ли был даже безупречен во всех других сферах. Этим и объясняется бессилие самых преданных обличителей, самых метких сатир, если за творцами их не признают и не могут признавать полной, нераздельной нравственности.

Мне привелось быть свидетелем одного случая, когда все это было высказано в лице самому Грибоедову, и произвело в нем такое возбуждение, какого он, конечно, никогда ни прежде того, ни после не испытывал.

Это было у А. И. Одоевского. Собрались пять-шесть членов Тайного общества, и первоначальная речь зашла о деле, возбуждившем тогда много толков, о крестьянах (кажется, Румянцева), освобожденных по завещанию, но дело которых несколько раз перерешалось; то признавали их свободными, то снова хотели закрепить. Затем разговор перешел естественно на необходимость освобождения крестьян, на злоупотребления помещичьей власти и вообще на все злоупотребления тогдашнего порядка вещей, причем Грибоедов особенно нападал на тех лжелибералов, которых весь либерализм заключается в болтании заученных либеральных фраз, которые, твердя об общем освобождении крестьян, между тем сохраняют сами помещичью власть со всеми ее злоупотреблениями, а не освобождают своих крестьян, когда их имеют, и впрочем считают, что не может быть, чтоб нельзя было приискать какого-нибудь средства совершить без содействия правительства, заключив речь тем, что такие действия лжелибералов делают бесплодными все усилия и истинных либералов, так как противники их, не различая, разумеется, истинных либералов от ложных, указывают на примеры действий последних.

В числе собеседников был на этот раз и Каховский, один из самых искренних людей, один из тех в Тайном обществе, которые смело обличали Рылеева за те противоречия и вред Обществу, в которое вовлекало Рылеева его властолюбие. Это был тот самый Каховский, который, по общему убеждению его товарищей, погиб преждевременно, жертвою очевидного недоразумения. Каховский давно порицал односторонность нападок Грибоедова, но не имел случая выразить своего мнения лично

Грибоедову; теперь такой случай представился, и он поспешил им воспользоваться.

Совершенно справедливо, сказал Каховский, как бы продолжая аргументацию Грибоедова, совершенно справедливо, что никто столь сильно не препятствует распространению честных либеральных убеждений, как лжелибералы; но только, к несчастью, вот что: все мы лжелибералы, даже и тогда, когда осуждаем лжелибералов, потому, что все мы, по вкусу или по положению, только односторонние либералы. Либеральничая по отношению к одной сфере, мы считаем себя вправе поступать вовсе не либерально в другой. Вот настоящая причина нашей болезни, вот причина, почему там, где мы проповедуем самые разумные идеи, не признают, что они исходят от действительного и убежденного ума, а видят только эгоистическое умничанье относительно тех вещей, которые не касаются их собственных страстей или интересов (намек на высказанное одним вельможей мнение, что «горе не от ума, а от умничанья»). (Здесь мемуарист явно путает М. А. Дмитриева, которому принадлежит это высказывание, с И. И. Дмитриевым — «вельможей» был именно он). Конечно, продолжал Каховский, злоупотребления помещичьего права очень гнусны, как и само это право; и самый гнусный его вид есть то, что когда помещики употребляют свою власть на насилие женщины, но тут зло, по крайней мере, отдаленное; жертва может быть невинна, да при случае может возникнуть законная жесточенность, а не хуже ли в тысячу раз те лжелибералы, которые считая себя вполне обеспеченными от ответственности, развращают женщину, обольщая ее или деньгами, или сочувствием к таланту, или притворною любовью, имея один в то же время десять любовниц и вовлекая даже замужних женщин в преступление и разрушая вовсе не либерально счастье другого человека, иногда даже своего приятеля» [1, л. 1—2].

Завалишин — один из наиболее осведомленных историков декабристского движения. Вместе с тем его воспоминания очень субъективны, а их автор склонен к завышению оценки собственных возможностей и обнаружению всевозможных недостатков у лиц, с которыми он общался. М. И. Семевский, печатавший в 1881 г. начало воспоминания Завалишина в «Русской старине», характеризовал его как «личность в высшей степени своеобразную и в высшей степени несимпатичную» [7, л. 487].

«Сложность использования «Записок» Завалишина, — справедливо отмечает Ю. М. Лотман, — в том, что они сообщают большое число фактов, порой совершенно уникальных», хотя при этом «можно узнать, какие коллизии имели место, но не как они решались» [9, с. 26]. Комментаторы книги «А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников» также подчеркивают, что «для оценки мемуаров Завалишина следует иметь в виду характерное для него преувеличенное представление о собственной роли в делах тайного общества и пристрастно недоброжелательное отношение к некоторым товарищам по сибир-

ской ссылке (например, к А. Одоевскому). Будучи значительно младше Грибоедова, Завалишин тем не менее ощущает себя чуть ли не его наставником» [14, с. 379].

Скорее всего, именно так обстоит дело и с воспроизводимым Завалишинным эпизодом спора Каховского с Грибоедовым. Сам этот эпизод, лишь слегка намеченный в «Воспоминании о Грибоедове» (здесь только упомянуты упреки Каховского по поводу того, что Грибоедов увлекался «даже... чужими женами»), настолько был важен для него, что Завалишин посвятил этому спору специальную статью. Память мемуариста сохранила и подлинную примету времени (только о крестьянах, освобожденных по завещанию); живо и убедительно воссоздана речь Каховского, который сам признавался, что Рилеев его «прозвал «ходячая оппозиция»» [13, с. 187].

И совсем иное — позиция Завалишина-очевидца. Он был «явно не способен понять психологию поэта, художника, артиста, т. е. тип творческой личности, не укладывающейся в прокрустово ложе «сектантского» этического ригоризма» [12, с. 399], и относился к Грибоедову сурово, вернее, даже недоброжелательно.

Оперируя материалом пятидесятилетней давности, Завалишин сопрягает его с современностью. Вспоминая прошлое, он затрагивал проблему, которая волновала умы и сердца революционных демократов и деятелей народнического движения. Может ли человек, посвятивший себя борьбе за всеобщие свободу и счастье, сам пользоваться радостями жизни или же ему следует отречься от всего «земного»? Как известно, преобладала последняя точка зрения, и Завалишин солидаризировался с ней. Для него образцами такого бескорыстного и самоотверженного служения общему делу являются Каховский и он сам (об этом он, не обвиняясь, не раз заявляет в своих «Записках»), но, отнюдь, не Грибоедов.

Но нас в данном случае интересует другое. Рассказывая о споре Каховского с Грибоедовым, при всей неприязни к последнему, Завалишин начинает повествование с сообщения о факте, который для него самоочевиден («Это было у А. А. Одоевского. Собрались пять-шесть членов Тайного общества...»).

Здесь, не считая рассказчика, названы двое присутствовавших — Каховский и Грибоедов. Еще два имени указаны в первоначальном варианте «Воспоминания о Грибоедове». «...Я был и свидетелем его сношений с членами тайного Общества и, конечно, единственным лицом, с которым в здании Главного штаба Грибоедов мог говорить вполне откровенно и о последних событиях, и о своих отношениях к лицам, участвовавшим в них (так как не раз мы с ним обедали у Одоевского впятером, он, я, Рылеев, Оболенский и хозяин), и, следовательно, отношения эти были и мне коротко известны» [1, л. 10б]. В печатной редакции текста остались лишь Одоевский и Грибоедов.

В печатном тексте есть и прямое указание на принадлежность Грибоедова к Северному обществу. Объясняя причины

того, что драматург, несмотря на показания отдельных декабристов, все же был освобожден, Завалишин писал: «В старании товарищей не компрометировать Грибоедова не было также ничего особенного, исключительного. Это было лишь следствием наперед условленного, общепринятого правила стараться не запутывать никого, кто не был еще запутан, а если сам Грибоедов не говорил о сношениях с членами, имевшими особенное значение, то говорить об этих сношениях значило бы добровольно и без нужды выдать самого себя. Кроме того, как объяснено выше, он, к счастью его, был вовремя огражден от сношений с нескромными членами. В силу подобных же условий спасены были и многие другие члены, даже такие, которые были замешаны и посильнее, чем Грибоедов. Наконец, кроме несомненного заступничества Паскевича, Грибоедову благоприятствовали еще и следующие два обстоятельства: он не был в Петербурге в конце 1825 г., а в тех близких отношениях, в каких он находился к Одоевскому и другим членам Общества, никто с уверенностью не мог сказать о себе, на что бы он решился, если бы присутствовал в Петербурге, как о том откровенно сознался пред высшим лицом и Пушкин, даром что Пушкин даже не был членом Общества, хотя и желал им быть...» [4, с. 141—142].

Остановимся на заключительной части данного сюжета, которая почему-то не привлекала внимания исследователей. Завалишин говорит, что и Пушкин («даром что ... даже не был членом Общества»), скорее всего, оказался бы в рядах восставших на Сенатской площади. Здесь совершенно четко противопоставлен один поэт другому, Пушкин — Грибоедову, который, как это явствует из смысла сказанного, был одним из членов Северного общества.

В свете изложенного высказанное нами ранее предположение о том, что летом 1825 г. Грибоедов был уполномочен руководителями Северного общества вести переговоры с «южанами» о слиянии сил, но его миссия не увенчалась успехом [10, с. 71—75], получает новое подкрепление, ибо совершенно очевидно, что такое поручение могло быть дано только тому, кто и формально состоял в рядах «молодых вольнодумцев».

В этой связи следует помнить и о стремлении Грибоедова встретиться с Г. Ржевусским, в описываемое время «только что вернувшимся из-за границы... захваченным настроениями польских патриотов, общими надеждами на скорое избавление, на политический переворот в России, на покушение на царя, замышлявшееся в Крыму, и, наконец, на освобождение Польши» [14, с. 80]. В дальнейшем Ржевусский перешел в лагерь реакции, но летом 1825 г. его настроение идентично декабристскому.

Грибоедов, до того не знавший Ржевусского, намеревался с ним увидеться не по собственной инициативе. Недаром он писал В. Ф. Одоевскому 10 июня 1825 г. из Киева: «Меня приглашают неотступно в Бердичев на ярмарку, которая начнется послезавтра: там хотят познакомиться с Ржевуским...»

[5, с. 564]. Подобное путешествие не имело бы смысла, если бы Грибоедов не исполнял важного поручения северян — установить контакты со всеми, кто мог способствовать единению сил разветвлений всех тайных обществ, имевших своей целью борьбу с самодержавием. Что это было именно так, подтверждает и письмо Грибоедова к С. Н. Бегичеву от 9 сентября из Симферополя: «...Ты хотел знать, что я с собой намерен делать, а я сам еще не знал, чуть было не попал в Одессу...» [5, с. 566].

Нельзя не согласиться с М. С. Живовым, пришедшим к выводу: «Несомненно, что и в данном случае имелась в виду встреча с Генрихом Ржевусским. Тут следует вспомнить, что в Одессе... находился в то время Н. Н. Оржицкий, который оказался спутником Грибоедова по Крыму. Он мог указать Грибоедову, что встречу с Ржевусским безопаснее устроить в Крыму, нежели в кишевшей шпионами Одессе. Он же мог предложить Грибоедову встретиться не только с Ржевусским, но также с Мицкевичем и Олизаром» [6, с. 141].

В итоге маршруты путешественников сходятся в одной точке — на вилле графа Г. Олизара, расположенной недалеко от Аюдага. Олизар был хорошо знаком с Рылеевым, А. Бестужевым, М. Орловым и другими деятелями тайных обществ. Не случайно он был привлечен к следствию по делу 14 декабря, хотя властям и не удалось раскрыть его конспиративную деятельность.

О том, что Грибоедов посетил виллу Олизара, где встретился с Ржевусским и Мицкевичем, известно из записи драматурга 29 июня 1825 г.: «Парфенит, вправо Кизильташ, шелковицы, смоковницы, за Аюдагом дикие каменистые места, участок Олизара...» [5, с. 432]. О свидании с Мицкевичем и Ржевусским здесь не упомянуто, но, видимо, оно было немаловажным, ибо Грибоедов все же считал нужным намекнуть Бегичеву на этот эпизод в уже цитировавшемся письме от 9 сентября: «О Чатырдаге и южном берегу после, со временем» [5, с. 567].

М. С. Живов также не сомневается, что «о встрече с Олизаром, как и о встрече с Ржевусским и Мицкевичем, Грибоедов, по весьма понятным причинам, не мог написать ни в дневнике, ни в письме. О том, что поездка по Крыму не была праздной прогулкой, а носила политический характер, свидетельствует вопрос, заданный Грибоедовым в письме к Бестужеву от 22 ноября 1825 г.: «Оржицкий передал ли тебе о нашей встрече в Крыму?». И не случайно Грибоедов написал вслед за этим: «Вспомнили о тебе и о Рылееве, которого обними за меня искренне, по-республикански»» [6, с. 142].

Обо всем этом Завалишин вряд ли мог знать, хотя о главном он был осведомлен.

Понятно, что некоторая сдержанность повествования у Завалишина обусловлена невозможностью, даже пятьдесят лет спустя после гибели Грибоедова, говорить о его декабристских связях, называя вещи своими именами. Примечательно, что и близкие друзья Грибоедова этой стороны его биографии в се-

редине пятидесятих годов предпочитали не касаться вовсе. Один лишь Жандр кратко упомянул, что степень участия автора «Горя от ума» в заговоре была «полной».

И Завалишин считает необходимым оговориться, что он пока может поведать далеко не все: «Исполняя желание некоторых лиц, слышавших мои рассказы, относящиеся к Грибоедову и Пушкину, и заметив, что во всем, что мне пришлось читать о них, далеко не все еще, относящееся к ним, известно, а из сообщенного не все верно, я счел не лишним, из всего, мне известного, сообщить по крайней мере то, что может сообщено быть в настоящее время» [2, с. 1]. Те же мотивы выдвинуты и в письме Завалишина к М. И. Семевскому от 25 февраля 1881 г.: «Особенно представляют интерес те статьи, которые были посланы в разные издания и были даже и набраны, но не печатались по препятствиям от цензуры или по неустойчивости и изменении настроения редакций...» [8, л. 19 об).

Наряду с осторожностью, воспоминания Завалишина о Грибоедове окрашены в чрезмерно субъективные тона. Возможно, что он и сам почувствовал это, в результате чего при публикации «Воспоминания...» опустил ряд мест, наличествовавших в рукописи.

Мы воспроизводим здесь те страницы, которые имели непосредственное отношение к Грибоедову. Завалишин писал:

«Окончив замечания о фактической стороне жизнеописания Грибоедова в прочитанном мною сочинении (речь идет об «Очерке первоначальной истории «Горя от ума» Алексея Веселовского. — Русский архив. 1874. № 6), считаю не лишним прибавить несколько слов и о замеченных мною также противоречиях в мыслях о влиянии Грибоедова как писателя и как человека вообще и как государственного деятеля. Не вдаваясь в разрешение давнишнего спора (начавшегося еще с Тертуллиана, продолжавшегося между д'Аламбером и Руссо и затем в Германии), о пользе или бесполезности и даже вреде театра, нельзя не упомянуть, что еще при самом появлении «Горя от ума» мнения насчет того влияния, какое может иметь эта пьеса, совершенно разделились; одни, не сомневаясь, надеялись, что она уничтожит или, по крайней мере, ослабит все осмеянные в ней пошлости и безобразия; другие, напротив, утверждали, что, доставляя пригодное средство колоть других, — относя известные выражения к тем или другим лицам, она осталась без дальнейшего влияния на общественные нравы и привычки не только для ближайших современников, для которых Грибоедов по своей, известной им, репутации гусара-гуляки и повесы и любителя чужих жен, не мог представлять никакого нравственного авторитета, потому что и, отрицая одни пороки и слабости, сам был вполне уязвим относительно других, но и для последующих поколений, которые забудут или не будут знать разгула и любовных походов Грибоедова. «У нас, говорят, не так тонко еще развито общество, чтоб осмеянием можно было бы заставить переменить свои нравы и привычки; у нас ме-

няют только моды из желания всегда соотнобразяться с новейшею; да потом и сами нравы и привычки зависят во многом от причин, от них не зависящих, удалить которые не в силах никакая комедия или сатира». Пятидесятилетний (и даже с лишком) опыт показал, что едва ли не было верно последнее мнение. Право, трудно по совести сказать, чтоб новейшие безобразия в чем-нибудь уступали прежним» [3, л. 11—11 об.]

После довольно пространного обличения железнодорожных тузов и их подручных Завалишин заключает: «По всему этому, человек, желающий составить себе справедливое понятие о Грибоедове как государственном и общественном деятеле, был бы поставлен в большое затруднение, если бы для руководства своего имел только мнение панегирика и не нашел бы в собственных указаниях Грибоедова прочного основания для более беспристрастного суждения. Что же видим мы в письмах Грибоедова? Он находится несколько лет постоянно при Ермолове в условиях самых лучших для наблюдений, восхваляет постоянно и человека в нем, и правителя, и не может разгадать его, а потом вдруг разгадывает его в самое короткое время и порицает за то, что будто бы он не умел воспользоваться обстоятельствами, «упустил случай выставить себя с выгодной стороны в глазах соотечественников относительно соперника» (Завалишин разделяет официальную версию о причинах гибели русского посла, высказанную в письме К. В. Нессельроде и А. Х. Бенкендорфу от 16 марта 1829 г., в котором подсказывалось выгодное для Николая I заключение о том, что Грибоедов сам был повинен в своей гибели. Нессельроде писал: «При сем горестном событии его величеству отраднa была бы уверенность, что шах персидский и наследник престола чужды гнусному и бесчеловечному умыслу и что сие происшествие должно приписать опрометчивым порывам усердия покойного Грибоедова, не сообразовавшего поведение свое с грубыми обычаями и понятиями черни тегеранской...» (Русская старина. 1872. № 8. С. 193—194), тогда как именно это и ставят другие в лучшую заслугу Ермолову, что он не пошел сам за легкою славою победить персиан, что могли сделать и другие, а остался в Тифлисе, где его никто заменить не мог, так как он один заменял там целое войско. Далее, Грибоедов это рисует в идеальном каком-то виде — русское управление на Кавказе, говорит о безусловном доверии к оному туземцев, а затем порицает это самое управление за то, что оно не обращало никакого внимания на нравы и обычаи местного населения, и, вслед за подобными упреками, сам же не обращает никакого внимания на те же самые вещи у народа, среди которого Грибоедов был посланником, зная при том, что существуют важные и весьма понятные у этого народа причины раздражения, понять и оценить которые было бы обязанностью государственного человека [Не совсем точная цитата (в подлиннике двух последних слов нет) из письма Грибоедова к С. Н. Бегичеву от 9 декабря 1826 г.] Каким же образом согласить все это с теми проница-

тельностью, наблюдательностью и дипломатическим искусством, которые ему приписывают?

Самая даже скудость материалов объясняется отчасти тем, что если сообщаются новые сведения об исторических лицах, чуть несогласные с установившимся мнением, хотя бы и установившимся явно ошибочно, и именно по недостатку до того времени сведений, то сей же час поднимается целая буря, особенно со стороны тех, кто по своим целям эксплуатировал придаваемое умершему прежнее значение; а много ли найдется охотников впутываться в политику из-за любви к исторической истине. Оттого-то и остаются без обнародования в свое время не только предания, но и документы, которые, попадая затем к наследникам, не придающим им значения, бесследно исчезали...» [3, л. 14 об.—15].

Вряд ли есть необходимость комментировать эти суждения. Они говорят сами за себя и проясняют не столько биографию Грибоедова, сколько личность самого Завалишина. Тем не менее, свидетельство мемуариста о принадлежности автора «Горя от ума» к Северному обществу является чрезвычайно ценным, поскольку помогает положительному решению вопроса о принадлежности Грибоедова к движению декабристов.

1. ГБЛ. ф. 542. Карт. 86, Ед. хр. 15. 2. ГБЛ, ф. 542. ф. Карт. 86, Ед. хр. 8. 3. ГБЛ, ф. 542. карт. 86, ед. хр. 10. 4. А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980. 5. *Грибоедов А. С.* Соч. М.; Л.; 1959. 6. *Жиров М.* Адам Мицкевич. М., 1956. 7. ИРЛИ, ф, 274, Оп. 1. № 16. 8. ИРЛИ, ф. 265, Оп. 2, № 1059. 9. *Лотман Ю. М.* О Хлестакове // Тр. по рус. и славян. филологии. Тарту, 1975. Вып. 26. 10. *Мещераков В. П.* А. С. Грибоедов: Литературное окружение и восприятие. Л., 1983. 11. *Нечкина М. В.* Грибоедов и декабристы. М., 1977. 12. Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. М., 1980. т. 2. 13. *Щеголев П. Е.* Декабристы. М., Л., 1926. 14. *Comolicki L.* Dziennik pobytu Adama Mickiewicza w Rosji. 1824—1829. Warszawa, 1949.

Статья поступила в редколлегия 02.11.88.

И. В. Александрова, асп.,
Симферопольский университет

Литературный генезис образа лжеца в «Ревизоре» Н. В. Гоголя (Н. В. Гоголь и А. А. Шаховской)

В советском литературоведении давно утвердился взгляд на комедию Н. В. Гоголя «Ревизор» как на произведение новаторское. В большой степени это обусловлено образом главного героя. Однако зачастую новаторство гоголевской комедии трактуется как полное отрицание писателем многих завоеваний предшествующей литературы, например: «...даже опираясь на традиционные приемы и открыто пользуясь известным сюжетом, Гоголь решительным образом порывал с драматургически-